

Вендетта. Ги де Мопассан

Вдова Паоло Саверини жила вдвоем с сыном в убогой лачуге у крепостной стены Бонифачо. Город, расположенный на выступе горы, местами нависшей над морем, смотрит на отлогие берега Сардинии поверх пролива, ощерившегося подводными скалами. С противоположной стороны города, у его подножия, тянется расселина скалистой гряды, почти целиком его огибающая и похожая на гигантский коридор; она служит портом, так что итальянские и сардинские рыбацьи лодки, а дважды в месяц и старый пыхтящий пароход, направляющийся в Аяччо, подходят к самым домам, пройдя длинный путь между отвесными скалами.

Кучка домов выделяется на белой горе еще более белым пятном. Громоздясь над этим страшным коридором, в который не отваживаются заходить большие суда, они кажутся гнездами диких птиц, прилепившимися к скалам.

Ветер без устали терзает море, терзает оголенный, весь изъеденный его порывами берег, кое-где поросший травой; он врывается также в пролив и опустошает его берега. Полосы белесоватой пены цепляются за черные выступы бесчисленных скал, то тут, то там прорезающих волны, и кажется, будто это клочки парусины плавают и бьются на поверхности воды.

Домик вдовы Саверини, примостившийся на самом краю прибрежной скалы, выходил своими тремя окнами на этот дикий и безрадостный простор.

Она жила здесь одна с сыном Антонио и собакой Семильянткой. Это была большая тощая сука с жесткой шерстью из породы овчарок. Юноша ходил с нею на охоту.

Однажды вечером после ссоры Антонио Саверини был предательски убит ударом ножа, и убийца, Николо Раволати, в ту же ночь бежал в Сардинию.

Когда старухе матери принесли тело ее сына, подобранное прохожими, она не заплакала, а долго неподвижно смотрела на него; потом, простерши над трупом морщинистую руку, обещала ему вендетту. Она не захотела, чтобы кто-нибудь остался с нею, и заперлась в доме вместе с воющей собакой. Собака стояла в ногах у покойника и выла непрерывно, протянув морду к хозяину и поджав хвост. Она не двигалась так же, как и мать, а та, склонившись над трупом и уставившись на него неподвижным взглядом, плакала безмолвными слезами.

Юноша, одетый в грубую суконную куртку, проколотую и изорванную на груди, лежал навзничь и словно спал; но он был весь в крови: кровь виднелась на рубаше, разорванной для оказания первой помощи, на жилете, на штанах, на лице и руках. Сгустки крови прилипли к волосам и к бороде.

Старуха мать заговорила с ним. При звуке ее голоса собака смолкла.

— Ничего, ничего, я отомщу за тебя, мой мальчик, бедное мое дитя. Спи, спи, я отомщу, слышишь? Это мать обещает тебе! А мать, сам знаешь, всегда держит слово.

И она медленно склонилась к нему, прильнула холодными губами к его мертвым губам.

Семильянта опять завывала. Она протяжно скулила — заунывно, душераздирающе, ужасно.

Так старуха с собакой провели всю ночь.

На другой день Антонио Саверини похоронили, и скоро в Бонифачо о нем перестали вспоминать.

После Антонио Саверини не осталось брата — ни родного, ни двоюродного. Не было ни одного мужчины, который мог бы отомстить за него. Одна только старуха мать и думала о мести.

По ту сторону пролива ей с утра до вечера видна была белая точка на прибрежных скалах: маленькое сардинское селение Лонгосардо, куда скрываются корсиканские разбойники, когда их преследуют слишком рьяно. Деревушка почти сплошь заселена ими; они живут здесь лицом к лицу со своей родиной и выжидают времени, когда можно будет снова приехать туда, вернуться в родное маки. Старуха знала, что именно там и скрывается Николо Раволати.

Целыми днями, сидя под окном в полном одиночестве, она смотрела в ту сторону и думала о мести. Как быть ей, немощной, одинокой, на краю могилы? Но она обещала, она поклялась над трупом. Она не может забыть, не может ждать. Как же поступить? Она лишилась сна, не находила ни покоя, ни утешения и упорно думала, как бы отомстить. У ног ее дремала собака и иногда, подняв голову, принималась выть, глядя вдаль. С тех пор, как не стало хозяина, она часто так выла, словно призывая его, словно и безутешная душа животного хранила о нем неизгладимое воспоминание.

И вот как-то ночью, когда Семильянта опять заскулила, матери вдруг пришла в голову мысль — мысль, достойная дикарки, мстительной и свирепой. Она обдумывала ее до утра, поднялась с рассветом и отправилась в церковь. Распростершись на каменном полу, повергшись ниц перед богом, она молилась, заклинала его помочь ей, поддержать, даровать ее бедной, изнуренной плоти ту силу, в которой она нуждалась, чтобы отомстить за сына.

Затем она вернулась домой. Во дворе у нее стояла старая бочка для дождевой воды; она опрокинула ее, опорожнила, укрепила на земле колышками и камнями, потом привязала к этой конуре Семильянту и пошла к себе в дом.

Теперь она без устали расхаживала по комнате, не сводя глаз с берегов Сардинии. Убийца — там!

Собака выла весь день и всю ночь. Поутру старуха снесла ей миску с водой, и только: ни похлебки, ни хлеба.

Прошел еще день. Изнуренная Семильянта спала. На другой день глаза у нее заблестели, шерсть взъерошилась, и она стала отчаянно рваться с цепи.

Старуха все еще не давала ей есть. Животное приходило в ярость и хрипло лаяло. Прошла еще ночь.

На рассвете старуха Саверини отправилась к соседу и попросила две вязанки соломы. Она отыскала старые лохмотья, оставшиеся от мужа, набила их соломой и превратила в подобие человеческого тела.

Она вбила в землю перед конурой Семильянты кол и привязала к нему чучело, которое теперь как бы стояло во весь рост. Потом из свертка старого белья она сделала ему голову.

Сука с удивлением смотрела на соломенного человека и молчала, хотя ее терзал голод.

Затем старуха купила в мясной длинный кусок черной кровяной колбасы. Вернувшись к себе, она развела во дворе, возле конуры, костер и стала поджаривать колбасу. Семильянта, обезумев, рвалась с цепи; из пасти ее падали ключья пены, и она не сводила глаз с жаркого, запах которого проникал ей в самый желудок.

Потом старуха обвязала шею соломенного человека дымящейся колбасой, как галстуком. Она долго прилаживала ее, словно желая поглубже вогнать в шею чучела. Покончив с этим, она отвязала суку.

Чудовищным прыжком собака бросилась на чучело и, вскинув ему лапы на плечи, принялась рвать горло. Она падала на землю с куском добычи в пасти, потом снова бросалась, впивалась зубами в веревки, вырывала кусочки пищи, опять падала и снова в остервенении кидалась на чучело. Она раздирали его лицо своими мощными клыками, превращала его шею в лохмотья.

Старуха, неподвижная и безмолвная, наблюдала за собакой горящим взором. Потом она опять привязала животное на цепь, снова проморила его голодом двое суток и повторила это странное упражнение.

В течение трех месяцев она приучала собаку к этой борьбе, к кормежке, завоеванной собственными зубами. Теперь она уже не привязывала ее, а только движением руки натравливала на чучело.

Она научила ее рвать, раздирать чучело, даже когда на шее у него не было привязано пищи. А потом в награду давала собаке поджаренную колбасу.

Едва завидев чучело, Семильянта начинала дрожать, потом обращала взор на хозяйку, и та хриплым голосом кричала, подняв вверх палец:

— Возьми!

Когда старуха Саверини сочла, что время настало, она отправилась к исповеди и в воскресенье утром причастилась с экстатическим рвением; потом, одевшись в мужское платье и превратившись в старого оборванного нищего, она сторговалась с сардинским рыбаком, который и перевез ее вместе с собакой на ту сторону пролива.

В холщовом мешке у нее лежал большой кусок кровяной колбасы. Семильянта голодала уже двое суток. Старуха то и дело возбуждала ее, давая ей понюхать вкусную пищу.

Они вошли в Лонгосардо. Корсиканка шла, прихрамывая. Она завернула в булочную и спросила, где живет Николо Раволати. Он снова занялся прежним делом — столярным ремеслом. Он работал один в своей мастерской.

Старуха толкнула дверь и окликнула его:

— Эй, Николо!

Он обернулся; тогда она спустила собаку и крикнула:

— Возьми, возьми, рви, рви!

Обезумевшее животное рванулось и вцепилось ему в горло. Мужчина раскинул руки, обхватил собаку, покатился наземь. Несколько секунд он корчился, бился ногами об пол, потом замер, а Семильянта продолжала грызть ему шею, разрывая ее в ключья.

Двое соседей, сидевших у себя на пороге, ясно припоминали потом, что видели, как от столяра вышел старик нищий в сопровождении тощей черной собаки, которая ела на ходу что-то коричневое, что бросал ей хозяин.

К вечеру старуха вернулась домой. В эту ночь она спала спокойно.

Примечания

Напечатано в "Голуа" 14 октября 1883 года.